

Антонова Е.Л., Таранова А.Е.

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ И НАУКЕ НА РУБЕЖЕ XX-XXI СТОЛЕТИЙ

У статті розглядаються етапи формування у суспільній свідомості та науці «культурологічного» світоспоглядання, що приходить на зміну філософському світогляду та зв'язок «культурних революцій» з перехідними періодами.

В статье рассмотрены этапы формирования в общественном сознании и науке «культурологического» мирозерцания, пришедшего на смену философскому мировоззрению и связь «культурных революций» с переходными периодами.

Formation stages in public consciousness and the science of the "culturological" world view which has come to take the place of philosophical outlook and communication of "cultural revolutions" with the transition periods are considered in the article.

Каждый переходный период в культуре отмечен своей ключевой проблемой, выражающей как главное противоречие, так и основные тенденции эпохи. Главным противоречием и основной «тенденцией» нынешнего перехода в России становится отказ от философии как способа познания действительности и осуществление нового «антропологического» поворота в общественном сознании и науке под влиянием западного либерально-модернистского мирозерцания. С этих позиций, основной тенденцией современной переходной «эпохи» становится разрешение конфликта между «знанием» (философия) и «впечатлением» (культурология), «закономерностями» (философия) и «эмоциями» (культурология), принимавшего в разные исторические периоды разнообразные формы противостояния (позитивизм, модернизм, постмодернизм), в пользу последних. При этом забывается, что все важнейшие философские «изыскания», так или иначе, сводятся к единой – онтологической – проблеме, относимой к познанию культуры как среды обитания человека.

Проблема познания культуры, сама по себе – это старая проблема, возникшая в рамках основного вопроса философии. Сложность проблемы не позволила философам выработать «универсальную» методологию ее исследования, а наметившийся в XVIII в. «культурологический поворот» в европейской науке, не только не способствовал решению этой проблемы, но и еще больше усложнил, расширив границы «содержания» проблемы. Однако, настоящая «культурологическая» революция произошла в момент *принятия* (по его примеру Ф. Ницше) *западным общественным сознанием перманентный бунт против идеологии традиционализма как норму*. Это был момент принятия культурологического – «субъективистского» – измерения истории и культуры, пришедшего в XIX веке на смену философскому как «объективному». В этом контексте, в конце XX столетия была предпринята попытка не просто «идеологического» переворота, а замены трех исторических типов мировоззрения – мифологического, религиозного и философского на «культурологическое». Насколько это хорошо еще предстоит разобраться.

Сегодня же важно понять причины той «культурной» революции, начавшейся на Западе в XIX веке с появлением массовой культуры и ницшеанского бунта против идеологии, что, по сути, открывает путь модернизму как «культурологическому» типу мышления. Если обратиться к культурно-историческому опыту России, то можно рассмотреть, что поворот к «культурологическому» мышлению наметился в ходе «дискуссии» славянофилов и западников, которая, *в преддверии переходного периода*

середины XIX века, сводилась не столько к обоснованию необходимости сделать исторический выбор в пользу западноевропейского или «почвенного» пути развития России, сколько к выявлению главных мифологем и культурных архетипов, лежащих в основе русской духовности. В этот спор постепенно вовлекаются лучшие умы того времени. Но если Н.Н. Страхов и Н.Я. Данилевский в спорах с оппонентами опирались на бинарные оппозиции номинализма и реализма как категориальные опоры научного мышления, свойственного философской рефлексии, то Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, Ап. Григорьев, В.В. Розанов, Н.А. Бердяев, В.С. Соловьев, С.Н. Булгаков и др. вели свою дискуссию, с опорой на субъективизм, более свойственный культурфилософской рефлексии. Такое понимание момента дает возможность говорить о привязке «культурологического» поворота в общественном сознании к «узловым», «поворотным» и «переломным» моментами в истории, которые сегодня, со ссылкой на К. Ясперса, принято называть «осевым временем».

На Западе, «культурологический» поворот в общественной мысли начинается в «узловой» момент западноевропейской истории – в эпоху романтизма, зарождением фольклористики, продолжился в «поворотный» период XIX века бунтом против идеологии с появлением массовой культуры и завершился «антропологическим» поворотом в науке в «переломный» период для всей мировой истории – в эпоху глобализации. Под его влиянием не только в науках социально-гуманитарного цикла, но в естественных науках отмечается разворот в сторону «гуманизации» знания. Как результат, проблемы «человек и культура», «человек и общество», «культура и цивилизация» трансформируются проблему «человек в культуре», «человек в обществе» и «культура в цивилизации».

По «официальной версии» современных культурологов, причиной «культурологического» поворота послужил «кризис» классической философии в переходный период середины XIX века. Именно тогда, якобы, изменяется не только классическое понимание места человека в культуре, но и понимание предназначения самой культуры. На самом деле, этому есть другое объяснение. Оно лежит в «плане содержания» проблемы. Если до запуска механизма глобализации в XIX веке человек рассматривался как *инструмент созидания* культуры (чего стоит одна только идея прогресса эпохи Просвещения, а в XX столетии – НТР), то сегодня уже *культура понимается* исключительно как *среда обитания человека*.

В этом контексте просматривается и причина трансформации понимания антропоцентризма. Антропоцентризм «по-философски» очень сильно отличался от антропоцентризма «по-культурологически». Философия давала возможность выявления реального *антропологического* измерения культуры. В ее историческом измерении, наукой сначала изучается то, что было создано без участия человека – *природный мир*, затем созданное самим человеком – мир *культурный*, затем – *духовный* мир человека и только в последнюю очередь – «философией» культуры – «материальная» природа человека (его «телесность»). Это хорошо объясняет, почему классическая постановка проблемы «человек и общество», «культура и цивилизация» начинает рассматриваться с позиций «индивид в культуре», «индивид в обществе» и «культура в цивилизации» – она отражает новые – *культурологические* – тенденции в еще только зарождающемся «глобальном» общественном сознании.

На деле это означает, что в конце XX столетия на смену философскому, приходит культурологическое измерение истории и культуры. А это, как сейчас говорят, большая разница²³. Если философия, направленная на изучение феномена

²³ Если в ретроспективе кризисы переходных периодов заключались в противостоянии традиции нарождающимся – современным – тенденциям в культуре, то

человека и его *бытия* в мире – в природе и обществе, выявляла *конечные основания культуры*, чем задавала *направление* культурного развития, то культурологию в большей степени интересует *мир культуры*, т.е. – *культура повседневности*. Иными словами, если при философском измерении истории и культуры исходят из общего, то при их культурологическом измерении – из частного. Такой подход лишает культуру и историю изначальной целостности и причинно-следственной зависимости, и превращает в «совокупность» разрозненных фактов и фактиков. Если рассматривать западноевропейскую культуру и историю действительно с «объективистских», а не субъективистских позиций, то она предстала бы перед современной общественностью как трагическая

Сначала с этой целью в конце 80-х годов XX столетия, в глобальное научное сознание внедряется идея необходимости практической реализации такого «культурологического парадокса», как создание «единого гуманитарного мира». Затем, в начале 90-х годов на Западе, предпринимается попытка вывести культурологию на уровень единой «супернауки», обобщающей и интегрирующей все наиболее значимое в «совокупном» знании о человеке, обществе и культуре. Культурологи, тем самым, «отнимали» у смежных наук – философии, социологии и истории – существенные сегменты их предметно-проблемных полей исследования²⁴. На пороге нового тысячелетия, эта попытка, по сути, означала *отказ от философии* – стержня европейской культуры, как называл ее Гуссерль, а вместе с ней – от *ценностей Просвещения*, а значит – изгнание философии из науки и культуры.

Однако «изгнание» философии из науки и культуры²⁵, требующей усилий и навыков отвлеченного мышления, ориентированного на поиск смысла существования, грозит в переходный период современной истории:

1) окончательным отречением от «романтизма» – «мира идей», наполненного Духом, устремленным на поиск вечно ускользающего «Универсума», в пользу торжества примитивного «утилитаризма» – «мира симулякров» («знаков без означаемых», «мертвых» символов, «символов без смыслов»), то есть – в пользу мира, лишённого Цели;

2) превращением повседневности «в пошлую реальность», лишённую всякого смысла.

Как доказательство, отказ от «услуг» философии автоматически повлек за собой

в период глобализации наблюдается обратная картина: теперь уже *«современные тенденции»* – т.н. «новации» – *противостоят традициям* как механизму передачи установившегося «культурного порядка». А это ставит под угрозу сохранение культуры как исторически сложившегося этнонационального или цивилизационного феномена. Кроме России, с подобной проблемой сегодня столкнулись как «старые европейские нации», так и современные США (см.: Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. – М., 2004.). Единственное отличие – это «вызовы» разного порядка, порождающие, тем не менее, одну проблему: необходимость сохранения культурной идентичности. Единственным действенным «ответом» этому «глобальному вызову» может стать взвешенный «культурный консерватизм» – в перспективе только те, кто сумеет сохранить политическую независимость, а это, прежде всего, «культурная самостоятельность», – займут место в «элитарном клубе» «субъектов истории».

²⁴См.: Флиер А.Я. Культурология как гуманитарная наука // Обсерватория культуры. – 2004. – № 3.

²⁵Ранее последовательное «изгнание философии» предпринималось позитивистами и модернистами, в наше время – постмодернистами.

тотальный переход от образования, основанного на *просвещении как источнике знания*, к «информирующему образованию», реализуемому на Западе. Отказ от просвещения означает в реальности отказ от культурно-цивилизационной, исторической, межпоколенной и иных типов «преемственностей», содержащих «общезначимые символы всех сфер человеческого опыта»²⁶. Такая мера понимается как «удачный ход» в направлении построения глобальной «общекультуры». На деле, устранение идентичности ликвидирует исторически сформировавшееся единое культурное пространство – резко сужая мир каждого конкретного человека до масштабов личностного мировосприятия или миропонимания референтных групп, вырывает его из контекста «всеобщего бытия» и обрекает на реальное одиночество. Иными словами, информирующее «образование» не только превращает повседневную жизнь индивида в «бессмысленность, доходящую до абсурда»²⁷, но и *лишает социум способности коллективного созидания*, а значит – *перспективы развития*. Как сказали бы в этом случае древние римляне: «*Sit transit Gloria mundi*», – так и проходит слава мира.

«Носители» «культурологического» мышления, как мы видим, упускают из виду, что а) извечный поиск смысла бытия, основанный на философской рефлексии, был направлен на выявление конечных оснований культуры и задавал вектор культурного развития; б) философия давала понимание, что культура – совокупность культурных достижений, произведений, благ и ценностей как ее «конечных оснований» – должна быть направлена на *совершенствование человека, его природы*. Так понимаемая культура не дается свыше, а является высшей задачей, идеей и целью не только для каждого человека, но и для совокупного социума. Философия, таким образом, «внедряла» в общественное сознание необходимость перманентного поиска *смысла – цели – бытия*.

Культурология же, целью которой является рассмотрение «бытия человека в культуре» («в обществе», «в цивилизации»), в отличие от философии, не рассматривает культуру как предельную, фундаментальную категорию. Она сосредотачивается на человеке и его потребностях – повседневности, что, по сути, «отчуждает» человека от «мира» культуры (для сравнения: в философии осмысливается проблема «человек и культура», «человек и общество», «человек и цивилизация»). Такое «отчуждение» превращает человека из «творца» и «деятеля» – созидая культуру, человек творит себя (и наоборот) – в пошлого потребителя. Это дает возможность предположить, что за идеей создания виртуальной «общечеловеческой» культуры стояла идея формирования реального глобального общества потребления. Именно от него – прямая дорога к концу истории: нет развития культуры – нет развития личности, нет прогресса, нет будущего.

Попытка создания на пике перехода культурологии как «супернауки», якобы пришедшей на смену философии, зашла в тупик, когда возникли трудности при размежевании зон компетенции культурологии, этнографии и религиоведения – суть проблемы заключалась в том, что культурологи посчитали этнографию и религиоведение своими внутренними специализациями. Желание западных культурологов «переподчинения» этих отраслей знания послужило толчком к принципиальному отмежеванию от них «классических» этнографов и религиоведов, работающих, в основном, на традиционном «сельском материале»: они обоснованно заключили, что культурология – это «этнография городской культуры», а предметом ее изучения является культура города²⁸.

²⁶В перспективе культурологии: повседневность, язык и общество. – М. 2005. – С. 9.

²⁷См.: В перспективе культурологии: повседневность, язык и общество. – М. 2005. – С. 8.

²⁸См.: Флиер А.Я. Культурология как гуманитарная наука // Обсерватория культуры. – 2004. – № 3.

Не удивительно, что на базе такого *методологического плюрализма*, по сути, обеспечившего культурологии междисциплинарный уровень исследования, понятие «культура» постоянно «расслаивается» – дифференцируется²⁹. Это не могло не отразиться и на подходах, применяемых к изучению народной художественной культуры: на нее переносится *западная методология изучения «культуры вообще»*, на самом деле, «препарирующая» *городскую культуру*. Именно по этой причине, сформированные на *ином историческом и социокультурном материале*, категории западных общественных наук далеко не всегда адекватно отражают реалии русской культуры в ее социальном и цивилизационном аспектах, что объясняет, почему многие западные и некоторые отечественные исследователи ищут в истории и культуре России те отношения и структуры, которых не существовало, упуская из виду свойственные ей реалии и явления.

В этой связи можно констатировать, что все «культурные революции» тесно связаны с переходными периодами. Их «содержание» отражает основные противоречия и тенденции эпохи. Так, «культурологический» поворот в современном общественном сознании и науке не способствует объективной оценке достижений русской культуры – субъективизм, свойственный «культурологическому» типу мышления не позволяет идти «от общего» (учет закономерностей) и рассмотреть ее в целостности, так как тяготеет к оценке, исходя из частного (впечатления, эмоции), что дробит ее на отдельные «фрагменты», поддающиеся субъективной интерпретации. Так история и культура, некогда выступавшие своеобразными «скрепами» социума, превращаются в переходные периоды в «механизм» его разобщения.

Литература:

1. В перспективе культурологии: повседневность, язык и общество. – М. 2005. – С. 8.
2. Кун Т. Объективность, ценностное суждение и выбор теории // Современная философия науки. – М., 1994. – С. 38.
3. Нордланд Е. Старое мышление // Приоритеты современной педагогики. – М., 1993. – С. 13.
4. Таврезян Г.М. Проблемы теории и метода в историографии культуры // И. Хейзинги // Вопросы философии. – 1987. – № 11. – С. 114.
5. Флиер А.Я. Культурология как гуманитарная наука // Обсерватория культуры. – 2004. – № 3.

²⁹ Именно отсюда вытекает такое количество определений культуры. По подсчетам Альфреда Кребера и Клайда Клакхона, определение понятия «культура», данное Э. Тайлором в работе «Первобытная культура» появляется в числе первых. Но если с 1871 по 1919 гг. было дано 7 определений культуры, то с 1921 по 1950 гг. насчитывается уже 157 определений этого понятия. В настоящее время, по одним оценкам, существует более 500 определений понятия «культура», а по другим – эта цифра приближается к тысяче.